

МЕРТВЫЕ НЕ СЕЮТ И НЕ ЖНУТ

МИРОН ВЫСОТА

18+

Мирон Высота

Мертвые не сеют и не жнут

«Автор»

2023

Мирон Высота

Мертвые не сеют и не жнут / Мирон Высота — «Автор», 2023

Деревня – лютое место. Портнов ехал к другу, провести пару выходных дней, искупаться в речке, сходить в баньку, а не переться назад под самую ночь, да еще и через кладбище. А на деревенском кладбище – туман да мертвяки. Потом и вовсе вину свою заглаживать пришлось, а то мало ли как обернется.

© Мирон Высота, 2023

© Автор, 2023

Мирон Высота

Мертвые не сеют и не жнут

Портнов осторожно отодвинул предназначавшийся ему стакан со спиртом. От греха подальше. А Яков Семёныч и не заметил – он просто влил в себя свою порцию и даже не поморщился.

Жара после обеда спала. Лёгкие, летние облака поймали солнце и теперь тащили его к горизонту. Через пару часов стемнеет. Пора было ехать.

– Значит, нормальный? – в очередной раз спросил Яков Семёнович. Он сосредоточенно рассматривал пузатый, красный редис в железной миске.

– Ты б закусил, Яков Семёныч, – предложил Портнов.

Яков Семёныч задумчиво кивнул, протянул руку к редису, машинально его пощупал, словно проверяя крепость, да и убрал руку опять под стол.

– Брось, нормальный он, нормальный. Обычный ребёнок, – Портнов уже жалел, что вообще приехал. Он-то откликнулся на зов сразу, планируя остаться на пару дней и даже специально выписал на кафедре отпуск. Деревня, птички поют, соловьи и прочие козодои, выйдешь в духовитое, июльское поле – жара такая, что кровь стынет, в голове гудит, а потом с разбега в речку, студёную. И в баньку вечером, на самой истоке. Следом наливочка холодная, рябиновая. Закусишь, вот такой вот редисочкой прям с грядки хрумкнешь. Чаёк на травах, с вареньем. Клубничным, например. Таким сладким, что пчёлы в нём вязнут. Подлетит, хлоп и уже никуда не денешься.

Портнов вздохнул. Его товарищ ещё по институту, Яков Семёнович Шпак был невменяем. Вливал спирт полстаканами, как не в себя. Не закусывал, но и не пьянел. По его просьбе, собственно, ради того и звали, Портнов осмотрел новорожденного мальчика – два дня от роду. Ребёнок одно загляденье – крепкий, ладный, бойкий. Глаза пучит, ножками сучит, слюни пускает – сиську ждёт. Так и сообщил Портнов товарищу – нормальный младенец. А тот всё переспрашивает – точно? Подсунул ещё бумажки с анализами крови на изучение. Идеальными, кстати.

– А что случилось-то? Может, с матерью его что не так? – поинтересовался Портнов. Ехать, вот что, пора ехать отсюда, да побыстрее. Скоро начнёт темнеть, в сельской местности это бывает быстро, раз и словно выключили свет, а до города почти четыре часа пылить. Вот семья-то удивится.

Звякнуло крашеное стекло в двери. Неказистая фельдшерица прошаркала тапками, забрала графин со спиртом, бахнула на стол трёхлитровую банку с простоквашей. Портнов поморщился. Не любил. Противно.

– Чьё? – не поднимая головы спросил Яков Семёнович. – Её?

– Ну а чьё же еще? – ворчливо ответила фельдшерица и зыркнула на Портнова недобрым глазом. Как на чужого. – Знамо, чьё. Зорькино.

– Яш, поеду я, – Портнов поднялся.

Яков Семёныч подскочил, обнял, и всё так же глядя мимо да приговаривая на ходу «да погоди ты, погоди» потащил Портнова прочь, по полутёмным коридорам и на улицу, мимо Портновского автомобиля, куда-то сквозь мощные лопухи с репьями, за забор, к приземистому строению. Портнов не поспевал, нелепо семенил следом, да ещё и встрял ногой в едва тронутую корочкой коровью лепёшку. Это в белых-то кроссовках.

– Мальчик здоров, говоришь, – шумел Яков Семёнович запальчивым речитативом. – Здоров, здоров. Годен, значит. А вот кто я, по-твоему? Кто я? Ветеринар, правильно. Это раньше я... Ну, если по-честному, то, конечно, величина, да, был. Был да сплыл, само собой. Но здесь

лучше, сам знаешь. Там пользоваться некого, да и обрыдло. Люди надоели. Да знаешь ты все. И кто я сейчас? Ветеринар. Понятно, что оно где-то всё рядом. Ха-ха. Я могу и конечность вправить. Универсал, да. Роды, понимаешь, роды-то я принимаю. А то! Никто в район не ездит. Все ко мне. У меня же, дорогой мой, стаж. Да ко мне из города ездят за восемьсот вёрст. И я роды принимаю. Я!

Яков Семёныч распахнул скрипучие створки. Пахло навозом, тёплым, застоявшимся воздухом, сеном.

– Зорюшка, – Яков Семёнович сунул ладонь ближайшей корове. Холёной, в чёрно-белых пятнах, с аккуратными такими рожками и большущими глазищами, которые иначе как коровыми не назовёшь. – Зорюшка.

Корова облизала протянутую ладонь фиолетовым языком, а потом подняла голову и протяжно замычала. Гулко и как-то жалобно.

– Вот. Ты спрашивал, – Яков Семёныч ласково погладил корову по голове.

– Я? – не понял Портнов.

– Вот и мать, – Яков Семёнович хихикнул. – Я, само собой, читал, но чтоб вот так. На твоих, понимаешь, глазах. И ведь никто не поверит. Никто. Ха-ха.

Яков Семёнович снова хихикнул.

– Ничего не понял, Яша, что такое? Какая мать? – спросил Портнов.

Яков Семёнович поднял наконец на Портнова глаза. Совершенно пьяные и злые.

– Мальчика мать. Новорождённого нашего. Эта корова родила человеческого мальчика. Я лично роды принимал.

Портнов подбавлял газу, как только выдавался плоский участок дороги – без ям, колдобин или колеи. Минуту-другую едешь нормально, а потом снова тормози и переползай кое-как через те самые колдобины и ямы.

Солнце каталось по горизонту и всё никак не могло сесть. Лес вокруг густел и наливался сырой тьмой. Портнов опустил стёкла и в салон тут же налетели комары, будь они не ладны. Один вцепился в шею, другой зарылся в волосы. Портнов пару раз хлопнул себе по шевелюре, по щеке, стал гонять комаров и тут же влетел в яму, да так, что стойки затряслись. Не хватало ещё сесть тут на ночь глядя. Комары так и звенели над ухом. И сразу всё зачесалось.

Ощущение от поездки были примерзостные. У Якова Семёныча видать случилась настоящая белая горячка. Допился. Вся эта деревенская пастораль, речки-баньки, хороши только в Чеховских рассказах или наездами раз в год, да и то всё большей частью в голове твоей живут, а по факту – сыро, скучно, неопрятно. Деревня – место страшное. Чужаков тут не любят, смотрят косо. Оно и понятно, жизнь в деревне тяжелый труд. Пьют опять же. Да и вообще. Чуть дольше положенного загляделся на аккуратный такой кустик с малиной, а там из глубины уже лезут шипы, паутина, зеленая хтонь. А в лесу? Пока идёшь да с товарищами всё путём, ау-ау, ножичек под грибочки, корзиночка, свет меж сосен лучистый, тёплый, кроны шумят, ягодки краснеют. Зазеваешься, остановишься на минуточку или на моховую подушку голову положишь, как мигом провалишься, засосёт чёрная бездна, или закружит, меж стволов зажмёт, сдавит – не вздохнуть. Бррр. То ли дело город, место надёжное, понятное. И не такое страшное.

Ёлки впереди расступились. Пошли скопом перекошенные кресты и обелиски со звёздочками. Кладбище местное. Из оградок била крапива и репейник.

Колёса попали в глубокую колею – Портнов сбавил ход. И вовремя. Наперерез шагнула белая фигура. Портнов затормозил. В открытые окна сразу ворвалась целая жизнь – мир наполнился жужжанием, стрекотанием, шумом ветра, поскрипыванием могильных оград. Портнов глубоко вдохнул приторный вечерний воздух, и вдруг ему стало холодно. По-настоящему холодно, как будто зима и дверь на балкон неожиданно открылась, а ты в одной футболке и трусах, а за окном чернота, и раннее утро и никого нет больше в этом мире, никого.

Нет, подумал Портнов, так не бывает, это всё сказки. Смех на палочке.

Перед машиной стоял человек. В перемазанных, рваных, и видно же, что заношенных, но почему-то ослепительно белых одеждах. Сияющих. Седые, с жёлтыми прядями волосы колтунами висели ниже плеч. Кожа бледная, в морщинах. Только глаза живые, насмешливые, озорные даже.

Незнакомец дружелюбно помахал Портнову грязной рукой. Улыбнулся, обнажив острые и крепкие зубы. Один к одному.

Солнце, которое до этого всё висело и висело, вдруг нырнуло разом за верхушки деревьев. Небо ещё светлое, а солнца уже нет, и вокруг все черно. Портнов включил фары. Незнакомец сразу исчез. Показалось?

– Чё, братишка, до деревеньки подбросишь? Тут недалеко, – услышал Портнов сиплый голос.

Портнов кивнул, как будто его видно в такой тьме. Но странный незнакомец понял. Он поскребся в дверцу автомобиля, чертыхнулся, наконец открыл и ввалился на пассажирское сидение рядом с Портновым.

– Падла, палец раскровянил, – выругался незнакомец и сунул целую ладонь себе в рот. Пососал и ловко сплюнул в открытое окно.

Дух от незнакомца шёл какой-то странный. Портнов опасливо принюхался. Стёкла, казалось бы, опущены, должно всё выветриваться, а запах стоит тяжёлый, стойкий. Пахло сырой землёй и осенью. Почему-то именно осенью. В институте они постоянно ездили выкапывать картошку, и студент Портнов лопатой перекидал тонны этой сырой земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.